

Шопенгауэр Артур

О духовидении

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А86

А86 **Артур Ш.**
О духовидении / Шопенгауэр Артур – М.: Книга по Требованию, 2022. –
115 с.

ISBN 978-5-521-31481-2

ISBN 978-5-521-31481-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

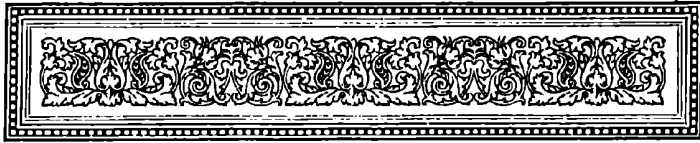
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Явленія духовъ, которыя въ прошломъ черезчуръ умномъ столѣтїи, казалось, были совершенно изгнаны или, по крайней мѣрѣ, осуждены всѣми, — теперь, въ послѣднія 25 лѣтъ, снова получили право гражданства, особенно въ Германіи. Нетрудно объяснить себѣ такую перемену, ибо доводы противъ возможности такихъ явленій были отчасти метафизическіе, которые, какъ таковыя, не имѣли подъ собою прочнаго основанія, отчасти эмпирическіе, которыми доказывалось лишь то, что во всѣхъ случаяхъ, когда не было ни случайнаго, ни явнаго обмана, не было и ничего такого, что могло бы повліять путемъ отраженія свѣтовыхъ лучей на свѣтчатую оболочку глаза, или путемъ колебанія воздуха на барабанную перепонку уха. Но эти доводы говорили лишь противъ присутствія *тѣлесныхъ* предметовъ, чего никто и не утверждалъ, потому что самое понятіе духа предполагаетъ совершенно иной способъ явленія, отличный отъ способа явленія тѣла. То, что видитъ

такъ называемый духовидецъ, есть не что иное, какъ присутствіе въ его созерцающемъ умѣ извѣстныхъ образовъ, ничѣмъ не отличающихся отъ тѣхъ, которые вызываются тѣлесными причинами, съ тою лишь разницей, что въ первомъ случаѣ образы вызываются независимо отъ внѣшнихъ вліяній. Вотъ гдѣ источникъ того недоразумѣнія, которымъ проникнуты всѣ доводы за и противъ реальности духовидѣнія и т. п. явленій. Явленіе духа представляется тѣлеснымъ, но на дѣлѣ оно не есть и не можетъ быть тѣлеснымъ. Чтобы понять это различіе, требуется много фактическихъ знаній, а также знанія философіи и фізіологіи, — однимъ словомъ: требуется понять, что нѣкоторыя явленія, совершенно одинаковыя съ тѣми, которыя вызываются реальными предметами, вовсе не обусловливаются непременно присутствіемъ самихъ предметовъ.

Для уразумѣнія этихъ явленій необходимо прежде всего припомнить то, что сказано мною и подробно изложено въ другихъ моихъ сочиненіяхъ *), а именно, что наше знаніе внѣшняго міра, объективно выражаясь въ головномъ мозгѣ, не столько отличается *чувственнымъ* характеромъ, сколько, напротивъ, имѣетъ интеллектуальное происхож-

*) Особенно въ моемъ сочиненіи „О четвертомъ корнѣ закона достаточнаго основанія“, § 21, и кромѣ того въ сочиненіи „О зрѣніи и цвѣтахъ“, § 1, а также въ соч. „Міръ какъ воля и представленіе“, т. 1-й, § 4 и т. 2-й, гл. 2.

деніе. Чувства дають не болѣе какъ только простое *ощущеніе* въ данномъ органѣ, слѣдовательно весьма скудный матеріалъ, изъ котораго умъ, посредствомъ свойственныхъ ему а ргіогі формъ пространства, времени и причинности, созидаетъ ви́шній тѣлесный міръ. Возбужденіе этого творческаго акта, на яву и въ нормальномъ состояніи, исходитъ, конечно, изъ чувственныхъ ощущеній. Но почему же такое возбужденіе не можетъ иногда наступить внутри организма, независимо отъ ви́шнихъ ощущеній и, достигнувъ до мозга, переработаться здѣсь въ соотвѣтственныя представленія? Если такіе случаи возможны, тогда возникаетъ другой вопросъ: находится ли отдаленнѣйшая причина такого явленія внутри только организма, или же она кроется гдѣ-нибудь внѣ его и, наконецъ, — каково отношеніе между даннымъ явленіемъ и отдаленною ви́шнею причиной его? Всѣ эти вопросы въ сущности сводятся къ вопросу объ отношеніи явленія вообще къ вещи самой въ себѣ. Такъ какъ сущность явленія, по моему ученію, есть воля, то возможно предположить, что она, т. е. воли, лежитъ въ основѣ не только тѣлесныхъ явленій, но также и духовныхъ. Такимъ образомъ міръ являющихся духовъ долженъ быть объясняемъ только съ точки зрѣнія вещи самой въ себѣ, т. е. съ точки зрѣнія *идеалистической*.

Послѣ этого краткаго введенія, я перейду къ изложенію самаго предмета настоящаго изслѣдо-

ванія, но предварительно замѣчу, что фактическій матеріалъ предполагаю уже извѣстнымъ читателю. Ибо, во-первыхъ, задача моя — дать объясненіе, теорію фактовъ, а не изложеніе ихъ; во-вторыхъ, мнѣ пришлось бы написать довольно объемистую книгу, если-бъ я сталъ повторять здѣсь многочисленные случаи магнетизма, сомнамбулизма, сновидѣній и пр., собранные въ разныхъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ; въ третьихъ, наконецъ, я вовсе не чувствую призванія бороться съ невѣжественнымъ скептицизмомъ, лжемудрые нападки котораго съ каждымъ годомъ теряютъ кредитъ свой и только въ одной Англіи сохраняютъ еще прежнюю силу. Человѣкъ, сомнѣвающийся нынѣ въ фактахъ магнетизма и ясновидѣнія, по моему, долженъ считаться не скептикомъ, а большимъ невѣждой.

Итакъ, прежде всего возникаетъ вопросъ: могутъ ли въ нашемъ умѣ или въ мозгу, какъ объективномъ выраженіи его, образоваться, помимо внѣшнихъ ощущеній, представленія, совершенно одинаковыя съ тѣми, которыя образуются отъ дѣйствія тѣлесныхъ причинъ? Къ счастью, есть одно извѣстное всѣмъ явленіе, которое устраняетъ всякое сомнѣніе въ этомъ дѣлѣ. Явленіе, о которомъ мы говоримъ, есть *сонъ*.

Считать сновидѣнія простой игрой мысли и фантазіи — значитъ обнаруживать недостатокъ пониманія. Образы фантазіи такъ слабы, неполны,

односторонни и мимолетны, что едва ли возможно на нѣсколько секундъ удержать ихъ передъ глазами; и даже самая роскошная фантазія врядъ-ли можетъ выдержать сравненіе съ тѣми образами, которые являются намъ въ сповидѣніи. Сила изобрѣтательности во время сна безкопечно выше силы бодрствующаго воображенія: каждый предметъ во снѣ имѣетъ то-же совершенство и ту-же всесторонность, какъ сама дѣйствительность. Совершенно ошибочно объяснить такое преимущество сповидѣнія тѣмъ, что образы фантазіи ослабляются одновременно дѣйствующими впечатлѣніями внѣшняго міра, — потому что даже въ самой глубокой темнотѣ почи воображеніе не въ состояніи представить что-нибудь такъ отчетливо и живо до полной иллюзіи, какъ то бываетъ въ сповидѣніи. Къ тому же образы фантазіи всегда вызываются ассоціаціей мысли, мотивами и сознаниемъ произвольности ихъ. Сповидѣніе, напротивъ, является совершенно противъ нашей воли, бессознательно и даже неотступно, при чемъ неожиданныя подробности придаютъ ему характеръ объективной дѣйствительности. Всѣ предметы представляются во снѣ ясными и отчетливыми не только въ главныхъ и общихъ очертаніяхъ, но со всѣми мельчайшими и случайными подробностями. Каждый предметъ отбрасываетъ тѣнь, падаетъ съ соответственной тяжестью, каждое препятствіе оказываетъ извѣстное противодѣйствіе, — однимъ сло-

вомъ, совершенно какъ въ дѣйствительности, такъ что не даромъ говорится, что во снѣ каждый чело-вѣкъ бываетъ Шекспиромъ. Вслѣдствіе этого иллюзія, производимая сновидѣніемъ, такъ велика, что сама дѣйствительность, при пробужденіи, должна извѣстное время бороться съ призраками снови-дѣнія, стоящими передъ открытыми глазами. Все это несомнѣнно доказываетъ, что сновидѣніе — совершенно особенная функція мозга и рѣшительно отличается отъ образовъ фантазій.

Съ другой стороны, сновидѣніе имѣетъ несо-мнѣнное сходство съ умопомѣшательствомъ въ томъ смыслѣ, что сознаніе въ обоихъ случаяхъ лишено способности воспоминанія прошлаго. Во время сна мы видимъ себя въ самыхъ невозмож-ныхъ, часто чудесныхъ положеніяхъ, и въ то-же время не можемъ объяснить себѣ этихъ странныхъ отношеній къ дѣйствительности; далѣе, во снѣ мы совершаемъ самыя нелѣпыя дѣйствія, бесѣ-дуемъ съ давно уже умершими людьми, какъ съ живыми. Очень вѣроятно поѣтому, что во снѣ измѣняется намъ только память, а всѣ другія способности остаются неизмѣнными. На этомъ обстоятельствѣ и основано сходство сновидѣнія съ умопомѣшательствомъ, которое, какъ я пока-залъ въ другомъ мѣстѣ («Міръ какъ воля и пред-ставленіе». Т. I, § 36; т. II, гл. 32), состоитъ главнымъ образомъ въ разстройствѣ памяти. Съ этой точки зрѣнія можно разсматривать состояніе

сновидѣнія какъ кратковременное умопомѣшательство, а послѣднее — какъ продолжительное сновидѣніе.

Какъ въ реальномъ мірѣ всякая перемѣна есть слѣдствіе предшествующей причины, такъ появленіе въ сознаніи мыслей и представленій подчинено закону основанія; поэтому представленія каждый разъ наступаютъ или вслѣдствіе виѣшнихъ впечатлѣній, или же вызываются предшествующими мыслями по закону ассоціаціи. Этому закону, какъ безусловному принципу зависимости всѣхъ существующихъ предметовъ, должны подчиняться и сновидѣнія. Но какимъ образомъ это происходитъ — очень трудно объяснить. Самое характерное условіе сновидѣнія есть сонъ, т. е. временное прекращеніе нормальной дѣятельности мозга и органовъ чувствъ; сонъ можетъ наступить только въ томъ случаѣ, когда чувства находятся въ покоѣ, подобно тому какъ рисунки волшебнаго фонаря видимы только въ темнотѣ. Поэтому сновидѣніе и образы его не вызываются виѣшними впечатлѣніями. Отдѣльные же случаи, когда при легкой дремотѣ виѣшніе звуки и даже запахи, проникая въ органы чувствъ, вліяютъ на содержаніе сновидѣнія, слѣдуетъ считать исключеніями, о которыхъ мы здѣсь не будемъ распространяться. Сновидѣнія не вызываются также и ассоціаціей мыслей, такъ какъ они возникаютъ или среди глубокаго сна, во время полнаго покоя

мозга, когда невозможна никакая ассоціація мыслей, или же при переходѣ изъ бодрственнаго состоянія въ состояніе сна, т. е. при засыпаніи, — и тогда мы имѣемъ полную возможность убѣдиться, что они не имѣютъ ничего общаго съ предшествовавшими мыслями, но черпаютъ свой матеріалъ совершенно въ другомъ, неизвѣстномъ мѣстѣ. Первые грезы засыпающаго, какъ извѣстно, не имѣютъ никакой связи съ тѣми мыслями и представленіями, которыя находились въ сознаніи до засыпанія; даже болѣе того: онѣ столь противоположны другъ другу, что кажется, будто нарочно возникаютъ такіе образы, которые наяву совершенно невозможны. Поэтому невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же обуславливается выборъ и свойство этихъ образовъ? Кромѣ того, какъ вѣрно замѣтилъ *Бурдахъ* въ 3-мъ томѣ своей «Физиологіи», сновидѣнія эти отличаются тѣмъ, что не представляютъ связанныхъ событій, и мы сами не участвуемъ въ нихъ, какъ въ другихъ сновидѣніяхъ; они образуютъ чисто объективное зрѣлище, состоящее изъ отдѣльныхъ образовъ и событій, которые внезапно являются въ началѣ засыпанія. Такимъ образомъ можетъ казаться, что во снѣ нить закона основанія прерывается съ обѣихъ сторонъ — наружной и внутренней. Но это невозможно и нелепо. Непременно должна быть причина возникновенія сновидѣнія, въ силу которой человѣку, занятому передъ сномъ извѣстны-

ми мыслями, при засыпаніи представляются совершенно другіе образы.

Такъ какъ мозгу, этому единственному мѣстопребыванію и органу всѣхъ представлений, отрѣзано во время сна всякое сообщеніе какъ снаружки — съ чувствами, такъ и извнутри — съ ассоціаціей мыслей, то остается предположить, что онъ гдѣ нибудь внутри организма получаетъ чисто фізіологическое возбужденіе, которое доходитъ до него двумя путями: нервами и сосудами. Жизненная сила во время сна, т. е. во время остановки всѣхъ *животныхъ* отправленій, уходитъ цѣлкомъ на *органическую* дѣятельность; съ уменьшеніемъ дыханія, пульса, теплоты и почти всѣхъ выдѣленій, она занята преимущественно процессомъ возобновленія и возстановленія всѣхъ потерь организма. Сонъ поэтому во всѣхъ болѣзняхъ есть то желанное состояніе, когда цѣлительная сила природы приноситъ съ собою спасительный кризисъ, во время котораго она одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ опаснымъ недугомъ. Также благотѣльно дѣйствіе сна и на здороваго человѣка, который послѣ спокойно проведеннаго сна чувствуетъ себя бодрѣе и лучше. Во время сна и самый мозгъ получаетъ нормальное питаніе, которое въ бодрствѣнномъ состояніи даже немыслимо. Всѣ эти операціи совершаются подъ руководствомъ и контролемъ пластической нервной системы, т. е. всѣхъ большихъ ганглій или нервныхъ узловъ,

которые, соединяясь другъ съ другомъ по всей длинѣ туловища посредствомъ нервныхъ нитей, образуютъ *большой симпатическій нервъ* или *внутренній нервный очагъ*. Симпатическій нервъ совершенно отдѣленъ и изолированъ отъ *внѣшняго* перваго очага — большого мозга, управляющаго всѣми *внѣшними* отношеніями организма посредствомъ направленаго кнаружи нервного аппарата, такъ что въ нормальномъ состояніи операціи симпатическаго нерва не доходятъ до сознанія и потому не замѣчаются нами. Тѣмъ не менѣе симпатическая нервная система все же имѣетъ посредственную и слабую связь съ мозгомъ, именно путемъ анастомозирующихъ нервовъ. Этимъ же путемъ, при ненормальномъ состояніи организма или при внутреннихъ разстройствахъ его, до известной степени нарушается изоляція, о которой идетъ рѣчь, и боль проникаетъ въ сознаніе. Напротивъ, при нормальномъ состояніи здоровья, доходитъ до сознанія, путемъ симпатическаго нерва, весьма слабый и глухой отголосокъ тѣхъ процессовъ, которые происходятъ внутри организма. Поэтому мозгъ, занятый своими операціями, т. е. воспріятіемъ вѣншихъ впечатлѣній, переработкою ихъ въ представленія и мысли, вовсе не замѣчаетъ тогда этого отголоска, который несомнѣнно имѣетъ таинственное вліяніе на перемѣны въ нашемъ настроеніи. Эти перемѣны никоимъ образомъ необъяснимы объективными влѣнными причинами. Однако, при